

жения, к категории числительных (стр. 219). Неудачна характеристика наречий. В них семантические признаки перемешаны с морфологическими и синтаксическими; в разных значениях употребляется слово «обстоятельство» (см. стр. 362).

Вопрос о типе определения — очень сложен. Так как трудно в одном предложении охарактеризовать полностью ту или иную часть речи, то дается сжатая характеристика ее. Так сделано в главе «Имя прилагательное». Но очень полезно определение и такого типа, какое дано в главе «Имя существительное» (стр. 58, в конце § 1).

В сущности нет определения модальных слов. В данном в книге определении нет ничего лингвистического; непонятно, что значит «субъективно-объективное отношение» человека (стр. 405). Встречается много небрежных, неточных и спорных формулировок (например, на стр. 40, 224, 430, 487 и др.).

*

Книга, которую так долго и с таким нетерпением ожидали преподаватели и студенты филологических факультетов, не оправдала полностью возлагаемых на нее надежд. Лектору, читающему курс по морфологии современного русского языка, приходится эту книгу в значительной части корректировать и делать много оговорок, рекомендуя ее студентам. Но нельзя уменьшать и положительного значения этого труда как первого и большого шага к созданию учебника, нельзя отрицать, что в нем имеется большой и интересный материал.

В. М. Филиппова

Т. Лер-Славинский. Польский язык. Перевод с 2-го польского изд. И. Х. Дворецкого. Под ред. С. С. Высотского. Предисл. В. В. Виноградова. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954. XXIV, 368 стр.

Рецензируемая нами книга является переводом труда одного из крупнейших языковедов Польской народной республики профессора Краковского университета Тадеуша Лер-Славинского¹. Книга эта состоит из «Предисловия» акад. В. В. Виноградова, дающего методологическую оценку книги, «Предисловий» автора ко второму и к первому изданиям, небольшого «Введения», текста самого труда, состоящего из одиннадцати глав, приложения, носящего название «Краткий обзор истории исследований польского языка», и краткого «Списка использованной литературы», составленного проф. Лер-Славинским.

Появление русского перевода книги виднейшего польского ученого следует расценивать самым положительным образом. Знакомая русским читателям-языковедам с итогами научного изучения истории польского литературного языка, это издание вместе с тем служит важному делу укрепления научных связей между двумя братскими народами: русским и польским.

20 сентября 1951 г. научная общественность Польши отмечала шестидесятилетие со дня рождения и сорокалетие научной деятельности Тадеуша Лер-Славинского, обогатившего польское языковедение многими ценными достижениями.

На протяжении всей своей научной деятельности Т. Лер-Славинский занимается сложнейшими вопросами славянской акцентологии, посвящая ей ряд исследований. Всегда интересовали Лер-Славинского и вопросы родства и происхождения славянских языков и славянских народов. Этим проблемам также посвящены многие его работы, в том числе монументальный труд «О происхождении и прародине славян» (Познань, 1946). Проф. Лер-Славинский — автор грамматики старославянского языка (выходившей трижды: в 1923, 1930 и 1949 годах), грамматики чешского языка (1950) и грамматики русского языка (1950).

Внимание польского ученого всегда привлекали и языки вымерших западных и северных славян. Об этих языках имеется несколько его работ, среди которых в первую очередь следует назвать «Полабскую грамматику» (1929). Перу Лер-Славинского принадлежат также курсы практической грамматики польского языка и сборники орфографических упражнений, составленные им совместно с другими авторами.

Специально вопросам истории литературного польского языка Т. Лер-Славинский посвящает работы: «Проблема происхождения литературного языка» (1926), «Польский язык как зеркало культуры народа» (1935), «Замечания об языке „Бого-

¹ T. Lehr-Sławiński, *Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój*, wyd. 2-e, Warszawa, 1951.

родиницы» (1936), «Очерки из истории развития и культуры польского языка» (1938), «Праславянское наследие в польском словарном составе» (1934) и другие².

Книга Лер-Сплавинского «Польский язык», вышедшая первым изданием в 1947 г., представляет собой итог всех исследований автора, посвященных истории польского языка³. Первые четыре главы этой книги включают в себя рассмотрение вопросов происхождения славян (гл. I — «Праславянская общность»), возникновения и развития западнославянской языковой группы (гл. II — «Западные славяне»), происхождения польского народа и польского языка (гл. III — «Польский народ и его язык») и, наконец, вопроса о праславянском наследии в фонетике, морфологии и лексике польского языка (гл. IV — «Праславянское наследие»).

Оценку этой части книги, которая является результатом многолетних трудов ученого, посвященных проблеме происхождения славян, читатель найдет в предисловии В. В. Виноградова. Мы хотим лишь напомнить здесь, что автор, подготавливая второе издание своей книги, подверг переработке главы, касающиеся вопроса происхождения славян. При этой переработке он учел результаты исследований советских историков и археологов, недоступных для него при работе над первой редакцией книги, которая создавалась в условиях фашистского террора (см. «Предисловие автора ко второму изданию», стр. 1). О том, насколько внимательно относится Т. Лер-Сплавинский к результатам работ советских историков и археологов, свидетельствует его статья «Вопрос происхождения славян в свете польской и русской науки»⁴. Резюмируя в этой статье выводы польских и советских ученых по проблеме этногенеза славян, автор отмечает значительную общность взглядов тех и других, хотя вместе с тем указывает и на разногласия в данном вопросе как в среде польских, так и в среде советских ученых.

Конечно, проблемы этногенеза славян не могут еще считаться окончательно разрешенными; они требуют дальнейшей разработки и пересмотра в свете работ И. В. Сталина по языкознанию⁵. Однако можно не сомневаться, что совместные усилия всех передовых славянских ученых, в том числе советских и польских, приблизят разрешение этой важной проблемы.

Начиная VI главу «Польский язык в XIV и XV вв.», проф. Т. Лер-Сплавинский пишет: «Так как язык в своем развитии не знает ни перерывов, ни скачков, то провести четкие границы между отдельными периодами его истории не представляется возможным. Присходящие в нем из поколения в поколение изменения являются результатом постепенных перемен в общественно-культурной жизни коллектива, который данным языком пользуется, и находятся поэтому в тесней зависимости от культурной и политической истории народа» (стр. 94). Эти строки показывают, насколько близки Лер-Сплавинскому основные положения советской лингвистики, хотя при практическом разрешении ряда проблем, касающихся истории развития языка, у него возникает много недоуменных вопросов (на которые указал В. В. Виноградов в своем «Предисловии» к рецензируемой книге).

Благодаря тому, что книга Т. Лер-Сплавинского содержит богатейший материал высокой научной ценности, она может служить пособием при изучении не только истории собственно литературного языка, но также и исторической грамматики и исторической фонетики польского языка. В этом труде Т. Лер-Сплавинского дано правильное понимание истории литературного языка как совокупности развития грамматического строя и словарного состава языка — того развития, которое находит свое отражение в памятниках письменности.

Однако, как справедливо замечает В. В. Виноградов, книга построена не совсем равномерно: при изложении развития польского литературного языка с середины XVIII в. автор очень часто прибегает лишь к стилистической интерпретации текстов. Способ изложения материала в книге вызвал, как известно, со стороны В. В. Виноградова (см. «Предисловие», стр. XII и XIV) и упрек в эмпиризме. Дело в том, что анализ развития литературного языка дается Т. Лер-Сплавинским попутно с анализом отдельных отрывков из польских текстов, приводимых тут же по ходу рассуждений. При подобном изложении читателю труднее уловить основные линии развития литературного языка. Анализируемые отрывки уже в силу своей краткости не могут дать полного материала для характеристики языка того или иного писателя, и автору

² Краткий обзор и перечень основных трудов Лер-Сплавинского читатель может найти в журнале «Język polski», г. XXXI (1951), zes. 5, стр. 193—196. Подробный очерк трудов Лер-Сплавинского и полная их библиография даны в журнале «Przegląd zachodni», ч. 7—8 (1951), посвященном юбилею маститого ученого.

³ См. рецензию К. Н и т ш а на это издание: «Język polski», г. XXVII (1947), zes. 5, стр. 150—153.

⁴ Журнал «Swiatowit», т. XX, 1949, стр. 25—59.

⁵ Ср., например, статью М. И. А р т а м о н о в а «Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология» («Советская археология», т. XV, М.—Л., 1951).

приходится, отступая от своего метода, привлекать дополнительный материал или давать общие характеристики, не вытекающие из конкретного анализа иллюстрирующего текста, что может вызвать законный упрек в субъективизме оценок (см. «Предисловие», стр. XV).

Но вместе с тем надо отметить, что такой способ изложения представляет неопределенные преимущества при использовании книги как учебного пособия по истории польского литературного языка, так как направляет учащихся к конкретному анализу текстов, а не только к чисто умозрительному восприятию выводов автора. Таким образом, книга может быть использована не только как очерк истории польского литературного языка, но и как хрестоматия по истории литературного языка. Можно лишь пожелать, чтобы обзор каждого этапа истории польского литературного языка автор начинал с формулировки общих положений, характеризующих основные линии развития литературного языка данного периода, а затем уже переходил к конкретному анализу отрывков, иллюстрирующих эти положения.

Нельзя не отметить также мастерства, с которым Т. Лер-Сплавинский умеет при анализе памятника затронуть основные вопросы истории польского языка (например, вопрос о произношении смягченных переднеязычных *t, d, r* в начале XII в., вопрос о произношении носовых гласных, о суженных гласных в польском языке при анализе языка Станислава Ожеховского, о ранних латинских заимствованиях папской буллы 1136 г. и другие).

Остановимся на некоторых частных вопросах, главным образом с целью высказать пожелание о расширении и уточнении отдельных мест книги Т. Лер-Сплавинского.

Так, большего внимания и более высокой оценки со стороны автора книги заслуживает, на наш взгляд, такой памятник, как «Гнезненские проповеди», который, как пишет сам Т. Лер-Сплавинский, «по всей вероятности, является оригинальным польским произведением (а не переводом с латинского)» (стр. 102). Именно данное обстоятельство позволяет ожидать, что этот интереснейший памятник древнепольского языка в гораздо большей степени, чем переводные памятники, отразил живой язык своего времени. Между тем автор ограничивается по поводу этого памятника таким замечанием: «Помимо своего правописания, Гнезненские проповеди отличаются от современных им памятников довольно тяжелым (хотя и не лишенным живости) языком» (стр. 105). Брошенное вскользь замечание о живости языка в ходе конкретного анализа затем никак не раскрывается, а суждение о «запутанности стиля» основывается на таких фактах, как излишнее частое употребление приставных частиц *-ci, -c*, ненужное повторение местоимения *on, ona, ono, oni, one* при глагольных формах 3-го лица обоих чисел и, наконец, чрезмерное использование форм давнопрошедшего времени при сохранении вспомогательного глагола *jest, są*. Между тем нам кажется, что эти особенности «Гнезненских проповедей» нельзя рассматривать в одной плоскости. Часто встречающиеся в памятнике частицы *-ci, -c* вероятнее всего внесены из живого устного языка как черта диалогической речи. Что же касается вызывающих недоумение форм давнопрошедшего времени, в которых рядом со связкой *był* присутствует еще и связка *jest*, то такое употребление может служить лишь доказательством того, что и формы перфекта со связкой *jest*, и формы давнопрошедшего времени со связкой *był* были чужды живому польскому языку этого времени. Писец же, неудачно пытаясь сохранить традиции древнепольских письменных памятников, искусственно создает формы давнопрошедшего времени, никогда не существовавшие в истории польского языка.

Труднее, кажется нам, объяснить употребление форм местоимений при подлежащем, выраженном существительным. Здесь можно только высказать предположение, что в этой черте отразилась линия развития тех польских говоров, которые теряли в перфекте связку во всех лицах и вынуждены были поэтому для уточнения лица употреблять при глаголе местоимение (как это имело место и в русском языке).

Во всяком случае, мы считаем, что «Гнезненские проповеди» заслуживают более пристального внимания исследователя, так как они в большей степени, чем другие религиозные памятники, отражают живой устный язык. Отнюдь не умаляя значения религиозных, пусть даже переводных, памятников для развития польского литературного языка, мы вместе с тем полагаем, что не меньшего внимания заслуживают памятники польской письменности, ближе стоящие к устному языку, так как именно они и показывают, что, несмотря на засилье латыни в письменности, народный язык не был задан и продолжал развиваться, обогащая литературный язык.

Интересны в книге соображения автора о нормализующей роли печатной литературы в создании литературного языка. Т. Лер-Сплавинский характеризует этот процесс, иллюстрируя его различиями в языке писем и печатных произведений крупнейшего писателя XVI в. Лукаша Гурияцкого. Если для XV в. Т. Лер-Сплавинский отмечал большую близость языка стихотворных произведений (так называемой «светской поэзии») и живого языка (см. стр. 147), то для XVI в. он, напротив, говорит о некотором расхождении между языком поэтических произведений и языком разговорным.

Раздельно рассматривает автор язык прозаических и стихотворных произведений писателей XVI в., в том числе и Рея, хотя сам замечает, что «поэтический язык Николая Рея почти не отличается от языка его прозаических произведений» (стр. 179). Говоря о языке Берната из Люблина, Николая Рея и Яна Кохановского, автор вскрывает в творчестве этих писателей последовательные ступени в развитии литературного языка (см. стр. 178, 180, 181, 184). При этом мы согласны с утверждением автора, что «с точки зрения владения языком как орудием литературно-художественного творчества, значительно выше Рея стоит Ян Кохановский, величайший из польских поэтов XVI века» (стр. 181). Все лучшее, что создано Кохановским, писавшим и на латинском языке, написано на языке польском, который получил в творчестве поэта небывалую до тех пор художественную поэтическую выразительность. Об этом ярко свидетельствуют поэтика и стилистика его «Фрашек», «Песен» и «Трэнгов». Его язык приблизился к разговорному языку (это особенно заметно на «Фрашках») и впитал в себя народные элементы, что вело к дальнейшему развитию польского национального языка.

Однако нам кажется, что автор несколько недооценивает роль Рея в создании литературного языка. Именно те черты языка Рея, которые отмечает сам Т. Лер-Славинский: «это язык живой, разговорный, лексически богатый, фразеологически выразительный» (стр. 179), — делают Рея подлинным создателем национального польского литературного языка, наравне с Кохановским, несмотря на различие их языковых стилей. Польский ученый Владислав Неринг был глубоко неправ, когда в своей работе «Развитие польского языка в XVI в.» отказывался считать Рея одним из создателей польского литературного языка на том лишь основании, что Рей писал так, как говорил. Как активно относился Рей к созидательной стороне художественной речи, как стремился он сделать ее наиболее доступной для широких масс своего времени, не знавших латинского языка, показывает, например, такой факт: вводя в польский текст своих произведений то или иное латинское выражение, Рей, как правило, переводит его тут же на польский язык. Ср., например, случаи подобного перевода латинских выражений в таком произведении, как «Жизнь честного человека». Латинские цитаты, содержавшие поговорки и пословицы, Рей также в большинстве случаев не передавал дословно, а объяснял их своими словами, иногда в стиле польской поговорки. Вообще в своих произведениях Рей широко использует различные польские народные пословицы, поговорки, фразеологические сочетания. Все это вместе взятое делает его язык самобытным, оригинальным, во многих чертах отличным от языка Кохановского. Художественный язык Рея является величайшим достижением эпохи польской реформации, поскольку он отражает основные тенденции развития общенародного польского языка на данном историческом отрезке.

Хотелось бы также увидеть в книге Т. Лер-Славинского более полный и детальный анализ процесса формирования национального польского языка. Правда, он отмечает, что «поэтический язык, поставленный на новые пути первыми романтиками во главе с Мицкевичем, развивался быстро и бурно и за короткое время, в „Ranu Tadeusza“ и особенно в блестящих в стилистическо-языковом отношении произведениях Словацкого, достиг наивысшей в истории польского языка ступени блеска и мастерства» (стр. 260). Но нельзя было при этом забывать и того, что в первой половине XIX в., в связи с приходом новых демократических слоев польского общества на арену социальной и политической борьбы, в связи с развитием науки и технической культуры под влиянием растущего капитализма, в связи с обогащением национальной литературы разнообразными прозаическими и поэтическими жанрами (лирико-драматическая поэма, комедия, роман, повесть, новелла или гавэнда), получил свое дальнейшее развитие и польский литературный язык, сохранивший при всем этом лучшие реалистические традиции языка XVI и XVIII вв.

Как известно, неопределенный вклад в дело дальнейшего развития польской литературной речи внес поэтический язык Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого и других выдающихся поэтов и писателей. В то время как «варшавские классики» всячески стремились затормозить движение польского литературного языка вперед, вводили различные ограничительные правила и вели усердную борьбу с проникновением в язык элементов просторечия, слов, выражающих народные крестьянские понятия, различного вида так называемых «провинциализмов» и т. п. — гениальный польский поэт Мицкевич вслед за Красицким и Трембецким продолжал прогрессивную линию в истории развития польского литературного языка. Вопреки «варшавским классикам» он считал основным двигателем в развитии литературной речи «воскрешение (родных) слов, незаслуженно забытых, внедрение чужих (слов) из братского языка (имелся в виду украинский язык), создание новых, нарушение (обычно принятого) синтаксиса, использование смелых выражений и оборотов», борьбу с галломанией и т. п. В ответ на нападки «классиков» Мицкевич заявлял: «Я признаю, что не только остерегаюсь провинциализмов, но может быть употребляю их сознательно». В этот период польский литературный язык совершенно закономерно впитывал в себя большое количество русизмов, украинизмов, белорусизмов и т. п., что нашло яркое выражение в языке и в стиле произведений Мицкевича, Словацкого, Богдана Залесского, Гошинского,

Кондратовича и многих других, творчество которых было тесно связано с развитием передовой русской и украинской культуры. Язык Мицкевича явился наилучшим образцом польского литературного языка для последующих поколений вплоть до наших дней.

Наконец, огромное влияние на демократизацию и обогащение польского литературного языка оказало и народно-освободительное движение 40—60-х годов. Оно проявилось в усиленной борьбе за национальный облик польского языка против аристократически-шляхетской жаргонной речи, испорченной иностранными (главным образом, французскими) словами (ср. эту речь, переданную в пародийном плане, в поэме Владимира Вольского «Отец Гилярий»), в непрерывной борьбе против преподавания такой речи в иезуитских школах (эту искусственную речь сатирически изобразил Людвиг Кондратович в гавенде «Фрагменты о Филиппе из Конопля»). Именно под влиянием революционной ситуации в народно-освободительном движении 30—40-х годов, в борьбе с врагами народной революции формировался, крепнул и оформлялся страстный, боевой публицистический язык польского революционного демократа Эдварда Дембовского и выразительный язык революционной поэзии Густава Эрэнберга, Эдмунда Василевского и других. Этих существенных моментов, повторяем, нельзя забывать при анализе языка данной эпохи.

Некоторое недоумение вызывает абсолютное отсутствие в книге характеристики языка такого яркого, талантливого представителя лучших демократических традиций польской литературы, как Мария Конопницкая.

Характеристика языка писателей послеромантического периода и оценка их роли в создании польского литературного языка дается автором несколько односторонне. Основным критерием этой оценки является почти исключительно использование диалектизмов. При этом недостаточно разграничена роль диалектизмов и архаизмов как индивидуального для данного автора средства языковой стилизации и как источника обогащения польского литературного языка. Сам Т. Лер-Сплавинский говорит в отдельных случаях об этом более широком значении использования диалектизмов и архаизмов, но не выделяет эту сторону дела в той мере, как она того бы заслуживала.

Кроме того, хотелось бы также видеть более подробный стилистический анализ языка произведений классиков и современных авторов. Но для этого, конечно, нужны еще многие предварительные работы, которые не могут быть осуществлены силами одного человека.

Одиннадцатая глава книги посвящена, в основном, оценке современного польского национального и официального языка. Нельзя не согласиться с той критической оценкой, которую дает Т. Лер-Сплавинский языку польской журналистики. Призыв ученого к очищению языка польской прессы от злоупотребления заимствованиями, к сближению этого языка с живой речью народных масс, насыщенной яркими образными идиомами, — действительно является вполне своевременным (см. стр. 355—356). В заключение в книге дан краткий обзор истории исследований польского языка. Советский читатель с интересом прочтет этот очерк. Заметим только, что в нем почти не отражена богатая плодотворная научная деятельность в области славистики самого автора книги.

Что касается качества перевода, то здесь можно отметить бережное отношение к авторскому тексту. Сокращения, которые допущены в советском издании книги, незначительны и вполне оправданы. Перевод книги, в общем хороший и тщательный, не лишен, однако, некоторых недочетов. Кое-где встречаются случаи неточной передачи текста подлинника. Например, авторский текст: «...obscijacymi ze sobą we wspólnym i wspólpracy produkcyjnej» передан в переводе «...о б щ е д и е н н ы м совместной жизнью и производственным сотрудничеством» (стр. 7). Здесь следовало сохранить важное в применении к языку понятие «о б щ а ю щ и м и с я между собой в жизни и в производственном труде». На стр. 128 слова оригинала: «W każdym gazie» («во всяком случае») переведены: «т а к и м о б р а з о м». Такой перевод искажает логическую связь мыслей автора.

На стр. 259 текст: «когда очами тоски видит, как на парижской мостовой» «sreb- gzy! się mech siwobrody...» благодаря неудачной перестановке слов в переводе оказался искаженным и может вызвать недоумение читателя. На самом деле Мицкевич не «видит мох на парижской мостовой», а находясь на парижской мостовой, мысленно вспоминает родную Литву и ее природу. Следовало бы построить фразу таким образом: «когда, находясь на парижской мостовой, видит очами тоски, как...» (далее польская цитата из Мицкевича); тогда не получилось бы двусмысленности.

Есть случаи, когда перевод, правильно передавая мысль автора, оставляет желать лучшего в стилистическом отношении. Например, на стр. 95 «лексика разнообразна» — новообразование автора, калькирующее польскую конструкцию «urozmaica się». На стр. 135 читаем: «сохранить в точности их букву и содержание». В контексте, трактуемом о древнепольских памятниках, метафорическое употребление слова «буква» несколько рискованно. На стр. 145 дано: «увеличением немецких поселенцев» вместо «числа или численности немецких поселенцев». На стр. 150: «стихотворение

(об убийстве Андрея Тэнчинского) появилось, несомненно, в непосредственной связи с этим громким делом» (т. е. с событием 1461 г., когда жители Кракова убили войничского кастеляна А. Тэнчинского). Выражение «громкое дело» имеет несколько иную стилистическую окраску и поэтому в данном контексте не совсем уместно. Лучше было бы сказать: «с этим историческим событием».

В ряде случаев нельзя согласиться с передачей на русском языке терминов, употребляемых Т. Лер-Славянским. Например, «*Staro-cierkiewno-słowiański*» — обычный термин польской лингвистики, который следовало передать обычным для советской лингвистики термином «старославянский». Переводчик же передал его термином «староцерковнославянский» (стр. 6). Термин «*protobaltyski*», который употребляет Т. Лер-Славянский, следовало передать также «протобалтийский», так как термин «пробалтийский» (*probaltyski*) автор употребляет в ином значении. Нам кажется, что сочетание «*najwyższych grup społecznych*», данное Лер-Славянским, следовало передать словами «высших слоев общества». Так же неудачно, на наш взгляд, выражение, взятое из философской терминологии: «вещных» и личных форм (стр. 213) вместо: «предметных» и личных форм; термин «предметный» более употребителен в лингвистической терминологии.

Мы не можем согласиться с некоторыми транскрипциями перевода: они не всегда последовательны, а в ряде случаев просто не оправданы. Зачем, например, нужно подчеркивать неверную традицию транслитерации польского сочетания *rz*, которое, как известно, означает один звук — *ж* (а после глухих согласных — *ц*). Почему не сохранить действительное польское звучание — Жевуский, Кшицкий, Ожеховский, Коженёвский, а давать искаженные написания: Ржевуский (стр. 264), Кржицкий (стр. 201), Оржеховский (стр. 172), Корженёвский (стр. 263) и т. п. Тем более, что рядом с этим мы имеем правильную транскрипцию: Свентокжизские проповеди (стр. 85), Ожешко (стр. 267). Неужели все дело только в опасении нарушить установившуюся традицию? Зато, наоборот, странное впечатление производит стремление воспроизвести особенности польского произношения смягченных губных: «Говианский» (стр. 263) вместо обычной формы «Говианский», «Виетор» (стр. 56) вместо «Ветор». Произношение смягченных губных с призвуком *i* не является фонемообразующей чертой, и поэтому не к чему воспроизводить его и в русской транскрипции.

С. С. Советов, Я. В. Мацюсович

Ар. Гарибян. Армянская диалектология. Фонетика и морфология. — Ереван, изд. Гос. заоч. пед. ин-та Арм. ССР, 1953. 460 стр. и 1 карта. [На арм. языке.]

Для исследования и уточнения истории армянского языка, для построения его исторической грамматики большое значение имеет исследование армянских диалектов, как низших форм армянского языка. Совершенно очевидно, что изучение того или другого языка, в частности армянского, невозможно без обследования его диалектов.

На протяжении последнего столетия ряд исследователей публиковал работы, посвященные некоторым армянским диалектам. Среди них особое место занимают труды покойного проф. Р. А. Ачаряна. В начале XX в. (в 1909 г. на французском языке, в 1911 г. — в более обширной редакции — на армянском) вышел в свет его труд «Армянская диалектология», в котором содержится морфологическая классификация армянских диалектов, причем приведены образцы из диалектов, известных в то время (тридцати одного), и дано краткое описание подавляющего большинства из них. В 1939 г. вышла в свет книга проф. А. С. Гарибяна «Новая ветвь армянских диалектов», в которой автор описал пять вновь открытых им диалектов.

«Армянская диалектология» А. С. Гарибяна, изданная в 1953 г., по научной разработке, широте кругозора и глубине анализа привлеченного материала представляет собой большую научную и практическую ценность, занимая особое место в истории армянской диалектологии. Изучая материалы по истории одного из самых богатых в диалектном отношении языков, долго и усердно работая над вопросами армянской диалектологии, используя накопившийся за многие годы в области армянской диалектологии опыт, проф. А. С. Гарибян создал большой научный труд, в котором он по-новому освещает вопросы армянской диалектологии и который является серьезным вкладом в языковедение, особенно в арменоведение.

В «Армянской диалектологии» рассматриваются вопросы фонетики и морфологии армянских диалектов; проблемы синтаксиса и лексикологии автор обещает разработать в будущем.